

Эпистемология концепта «гибридная война»

И. Ф. Кононов

Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко, Старобельск, Украина

УДК 316.485.26:165.12

doi: 10.15421/1717134

В статье предпринят эпистемологический анализ концепции гибридной войны. Показано, что его распространение может быть объяснено только внеучеными факторами, анализ которых и осуществлен в данном тексте.

Рассмотрено западный, российский и украинский дискурсы гибридной войны.

В статье показано, что концепция «гибридной войны» возникла в США. Появившись как технический термин, это словосочетание при Дж. Буше-мл. стало составляющей частью обоснования экспорта демократии. Методологической основой такого изменения стала концепция модернизации.

В России дискурс гибридной войны является реактивным относительно Запада и охранительным по отношению к действующей власти.

В Украине официальными идеологами создана целая метафизика гибридной войны. В ней внутренним компонентом концепции является цивилизационный подход. Это переводит военный конфликт между Россией и Украиной в русло неразрешимого ценностного конфликта.

В статье выявлено, что эпистемология «гибридной войны» погружена в интересы правящих классов консолидированного Запада, России и Украины. Реально за ним стоит явление, которое в статье предлагается называть «буржуазным бланкизмом». Его возникновение связано с появлением такого социального слоя, как транснациональная буржуазия. В ее среде возникло убеждение, что желательные для себя изменения можно вызвать в любой стране, инвестируя для этого достаточно средств. Человеческие ресурсы для таких мероприятий черпаются в среде прекариата, лишенного реальных жизненных перспектив.

Ключевые слова: гибридная война; буржуазный бланкизм; транснациональная буржуазия; США; Украина; Россия; Донбасс; мировая капиталистическая система

Epistemology of the concept of «hybrid warfare»

I. F. Kononov

Luhansk Taras Shevchenko National University, Starobelsk, Ukraine

The article makes an attempt for epistemological analysis of the concept of hybrid warfare. This experience is conditioned by the problem which was identified in recent years. In the studies of modern wars, several names were proposed for their invariant content (waramongthepeople, warsofthethirdkind, privatizedwar, postmodernwarsandsoon), but in the public discourse the term «hybrid warfare» has become the most common. Russian-Ukrainian war in the Donbass has contributed to its wide outspread. In Ukraine, the concept of «hybrid warfare» has acquired ideological meaning. The mysteriousness of hybridism is covering commercial component of military confrontation, and is being used for resolving domestic political problems both in Ukraine and in Russia.

The article shows that the concept of «hybrid warfare» is of American origin. Coming into sight as a technical term it became an integral part of the rationale for exporting democracy under George W. Bush. The concept of modernization became a methodological basis for such understanding of the hybrid warfare. In the operations under conditions of «hybrid warfare» military units had to combine purely military and humanitarian tasks contributing to the establishing of Western-like institutions in the «failing states».

Official Ukrainian ideologists have currently created entire metaphysics of hybrid warfare, with the civilizational approach as an internal component of the concept. On the one hand, it is assumed that hybrid warfare is not a local, but a global phenomenon that has come to replace the Cold War. It leads to the chaos of international relations. The source of this chaos is Russia's policy, and, which is more - Russia as a civilizational entity. This translates the military conflict between Russia and Ukraine into an insoluble conflict of values. In this case Russia is portrayed as a «Horde» civilization, hostile to the whole world, whereas Ukraine is depicted as a bastion of the Western civilization system.

In modern Russia, the concept of «hybrid warfare» is firmly tied to the concept of «color revolutions» and viewed as aggression of the West against Russian civilization. Translating certain conflicts into the value plane also makes them insoluble by rational means.

The article reveals that the epistemology of «hybrid warfare» is immersed into the interests of the ruling classes of the consolidated West, Russia and Ukraine. This concept performs a camouflage function. In fact behind it there is a phenomenon,

Цитування даної статті: Кононов І. Ф. Епистемологія концепта «гібридна війна» / І. Ф. Кононов // Науково-теоретичний альманах «Грані». – 2017. – Т. 20. – № 10. – С. 61-80. doi:10.15421/1717134

Citation of this article: Kononov, I. F. (2017). Epistemologiya kontseptu «gibridnaya voyna» [Epistemology of the concept of «hybrid warfare»]. *Scientific and theoretical almanac «Grani»*, 20 (10), 61-80. doi: 10.15421/1717134 (in Russian).

Received: 18.09.2017

Accepted: 19.10.2017

which in the article we called «bourgeois Blanquism». Its genesis is associated with uprising of such social stratum as transnational bourgeoisie, where there was a belief that the desired changes can be caused in any country by investing enough money. Human resources for such activities are drawn from the precarious environment, especially among young people deprived of real life prospects. Such young people become activists-mercenaries of NGOs created by representatives of the transnational bourgeoisie, and in some countries armed groups of opposing political organizations are formed from them.

Keywords: Hybrid warfare; bourgeois Blanquism; transnational bourgeoisie; USA; Ukraine; Russia; the Donbass; world capitalist system

Епістемологія концепту «гібридна війна»

І. Ф. Кононов

Луганський національний університет імені Тараса Шевченка, Старобільськ, Україна

У статті здійснено епістемологічний аналіз концепту гібридної війни. Показано, що його поширення можна пояснити лише позанауковими факторами, аналіз яких і здійснений у даному тексті. Розглянуто західний, російський і український дискурси «гібридної війни». У статті показано, що концепт «гібридної війни» сформувався у США. З'явившись як технічний термін, це словосполучення за Дж. Буша-мол. стало складовою частиною обґрунтування експорту демократії. Методологічною основою такої зміни стала концепція модернізації.

В Росії дискурс гібридної війни є реактивним стосовно Заходу і охоронним по відношенню до діючої влади.

В Україні офіційними ідеологами створена справжня метафізика гібридної війни. У ній внутрішнім компонентом концепції є цивілізаційний підхід. Це переводить військовий конфлікт між Росією і Україною в русло ціннісного конфлікту, який неможливо раціонально розв'язати.

У статті виявлено, що епістемологія «гібридної війни» занурена в інтереси правлячих класів консолідованого Заходу, Росії та України. Реально за ним стоїть явище, яке в статті пропонується називати «буржуазним бланкізмом». Його виникнення пов'язане з появою такого соціального прошарку, як транснаціональна буржуазія. В її середовищі склалося переконання, що бажані для себе зміни можна викликати в будь-якій країні, інвестувавши для цього достатні кошти. Людські ресурси для таких заходів знаходяться в середовищі прекаріату, позбавленого реальних життєвих перспектив.

Ключові слова: гібридна війна; буржуазний бланкізм; транснаціональна буржуазія; США; Україна; Росія; Донбас; світова капіталістична система

*«Гнев снова сменит милость, недовольство
снова сменит радость, и только разрушенное
царство снова не возродится,
а мертвые снова не станут живыми»
(Сунь-цзы «Искусство войны», с. 202- 203)*

Постановка проблемы. Понятием «гибридная война» в Украине пользуются, определяя события на Донбассе, отношения с Российской Федерацией, даже ситуацию в международной системе. Это понятие стало важнейшим в текущем политическом дискурсе внутри страны, задавая ориентацию государственным органам, определяя стратегическое видение для руководства вооруженных сил. Этим понятием пользуются Президент Украины [10], другие высшие должностные лица страны [57].

Оно стало практически общепринятым в обществе политических экспертов и аналитиков, в публикациях представителей общественных наук. Гибридной войне посвящаются монографии [44; 47] и сборники статей [15].

Следует обратить внимание на то, что данное понятие сделало стремительную «карьеру» буквально в течение последних трех лет. Еще в 2015 г. оно употреблялось эпизодически и, скажем, в «Военной доктрине Украины» представляло о новой военной ситуации вводилось описательно через указание на то, что перенос акцента «...в военных конфликтах на асимметричное применение военной силы непредусмотренными законом во-

оруженными формированиями, смещение акцентов в ведении военных конфликтов на комплексное использование военных и невоенных инструментов (экономических, политических, информационно-психологических и т.д.), принципиально меняет характер вооруженной борьбы» [11]. За три года данное понятие стало центральным в общественно-политическом дискурсе Украины, переформатировал его. При этом оно осталось понятием с неопределенным объемом и содержанием, которые меняются в зависимости от контекста.

Эпидемический характер распространения понятия «гибридная война», его перемещение в центр дискурса, касающегося вопросов жизни и смерти страны, представляют особую научную проблему. Именно качество дискурса определяет, что мы принимаем за факты, как мы их классифицируем, какие из них делаем выводы. Избитым местом в современной социологии стала теорема Томаса: «Если люди определяют ситуации как реальные, они реальны по своим последствиям» [38]. Но, несмотря на общеизвестность, это утверждение о самоосуществляющемся пророчестве не утратило своей объясняющей силы. Пророчества, которые стремятся сами к своему осуществлению, могут быть весьма опасными, задавая людям неверную оптику видения социальной реальности и провоцируя их на губительные действия. В силу этого все важные понятия общественно-политического дискурса должны подвергаться эпистемологической критике. Что касается

эпистемологического анализа эволюции концепта «гибридная война» (то есть смыслового содержания понятия), то он может многое прояснить не только в когнитивных сдвигах последних лет, но и в общественном контексте этих сдвигов.

Анализ исследований и публикаций. В настоящий момент эпистемологический анализ концепта «гибридная война» специально не предпринимался.

Существует обширная литература по проблеме эволюции войны. Тип военных конфликтов, которые сейчас определяются как «гибридные», впервые был описан функционером ОУН Михаилом Колодзинским и русским белогвардейцем, сотрудничавшим в годы Второй мировой войны на территории Югославии с нацистами, Евгением Месснером. Первый это сделал в 1938 г. в «Военной доктрине украинских националистов» [25], второй - в работах конца 1950-х – начала 1960-х гг., в которых излагалась концепция «мятежевойны» [63].

Западными, украинскими и российскими авторами в последние два десятилетия подготовлены содержательные работы, в которых анализируется эволюция военных конфликтов в зависимости от технических и организационных средств. В работах Бевина Александра [2], Мориса Дэйви [17], Мартина ван Кревельда [9], Михаила Требина [55], Владимира Серебрянникова [48] и др. было показано, что для современных войн характерен дрейф от конвенциональности к неконвенциональности. С технико-тактической точки зрения современными стали считать войны четвертого поколения в западной классификации. Их конвенциональную разновидность назвали сетцентрическими войнами, а неконвенциональные – гибридными.

Определение «гибридная» к современной войне стали использовать на рубеже XX – XXI вв. К настоящему времени произошло расслоение западного, российского и украинского дискурсов по этому вопросу. Западный дискурс вращается вокруг проблем глобализации и проблемы «несостоявшихся» государств. В связи с этим упомянуты работы Мери Калдор [20], Маргарет Бонд [69], Френка Хоффмана [72] и Дэвида Джонсона [73].

Большинство работ российских авторов, близких к власти, носят алармистский характер. В них «гибридные войны» рассматриваются в единстве с «цветными революциями». И те, и другие воспринимаются как связанные политические технологии Запада (в первую очередь США), нацеленные на дестабилизацию и последующее подчинение России. В качестве примеров назову работы Владимира Акулинина [1], Александра Бартоша [6], Натальи Епифановой [1], Андрея Манойло [36], Константина Сивкова [49]. Научная составляющая в работах этих авторов подчинена идеологической, носящей охранительный по отношению к нынешней российской власти характер. Следует отметить, что в российском научном сообществе есть

и авторы, которые резко отрицают связь «цветных революций» и «гибридных войн» [51, с. 17].

Среди украинских социологов одними из первых исследовали российско-украинскую войну Игорь Рущенко [44] и Михаил Требин [56]. Игорь Рущенко проанализировал смещение в ходе вооруженной борьбы военных и уголовных практик, а Михаил Требин пришел к выводу, что основными участниками «гибридной» войны выступают армия, террористы, партизаны, «повстанцы» и др.

Национальный институт стратегических исследований подготовил и издал коллективную монографию «Світова гібридна війна: український фронт» [47]. Она написана как комплексное исследование, но при доминировании геополитического видения проблемы. Данное издание, к сожалению, игнорирует более ранние работы украинских социологов. Названная коллективная монография является показательным объектом интерпретации при эпистемологическом анализе концепта «гибридная война».

Следует также отметить фактические реконструкции определенных периодов войны на Донбассе, сделанные военными специалистами и журналистами, которые позволяют увидеть контекст формирования концепта понятия «гибридная война» [21; 58].

Эпистемологический анализ будем осуществлять в рамках социальной эпистемологии, учитывая работы Людвика Флека [61], Карла Поппера [65], Павла Копнина [33], Ильи Касавина [23], Владимира Поруса [42] и др.

Цель исследования – с помощью эпистемологического анализа концепта «гибридная война» выявить социальные факторы, влияющие на его эволюцию, а также определить роль обозначенного концепта в общественно-политическом дискурсе современной Украины.

Изложение основного материала. Методология анализа. Начну с уточнения понятий, связанных с методологическим направлением анализа. К. Поппером было задано нечеткое понимание эпистемологии, которое, благодаря его авторитету получило широкое распространение. Он писал: «Эпистемология – английский термин, обозначающий теорию познания, прежде всего научного познания. Это теория, которая пытается объяснить статус науки и ее рост» [65, с. 57]. Нетрудно увидеть, что оптика видения предметного поля в этом определении непрерывно скользит: вначале это теория познания вообще, а затем это уже только теория науки и ее роста. Понятно, что гносеология – это общая философская теория познания, но никак не учение о науке и научном познании. Безусловно, она задает контуры анализа научного познания, но только ее участия в этом деле недостаточно. Для того, чтобы понять науку как систему развивающегося знания необходимы логика и методология, а для того, чтобы постигнуть науку

как социальный институт, не обойтись без социологии знания и социологии науки. При этом строй мышления, познавательные интенции имеют сложную социальную природу, поэтому логика и методология научного познания нуждаются в опоре на социологию знания.

Еще в конце 1930-х годов польский ученый Людвик Флек понял бесперспективность анализа языка науки в отрыве от социальных факторов, коим занимался логический позитивизм. По его мнению, «...отправным пунктом позитивного исследования влияния эпохи на науку должна стать общая социология мышления. Ее развитие должно привести к концепции мыслительного коллектива и стиля мышления, подверженного историческим изменениям» [61, с. 171]. Он уточнял: «Гораздо реальней мы оценим историю умственной жизни, если будем рассматривать отдельные мыслительные коллективы и их развитие, взаимодействие, конкуренцию и сотрудничество в различные исторические периоды. <...> Мы узнаем стилевую ауру понятий, для нас обретут смысл на первый взгляд непонятные старинные высказывания, мы найдем свидетельства того, как сегодняшнее значение научных понятий возникает из первоначального» [61, с. 171]. Такая перспектива вела к формированию предметного поля, общего для философии и социологии. При этом взаимодействие философии с социологией на нем не похоже на отношения философии с другими науками. Здесь социология выполняет метафилософские задачи, а философия – метасоциологические. В первом случае речь идет о социальной обусловленности познания и знания (включая философское), во втором – о методологии и логике познавательной деятельности.

В отечественной традиции единство философии и социологии в эпистемологическом анализе обосновал Павел Копнин. Это вытекало из его положения: «Мышление – особая форма отражения, возникающая в результате взаимодействия не любых двух материальных систем, а таких, одной из которых является общество» [33, с. 263]. Отсюда вытекает контекстуальная природа любого знания. Контексты эти многоуровневые и качественно отличные. С одной стороны, любое понятие существует только в системе других понятий. Собственно так формируются и меняются концепты как их смысловые аспекты. Организующим началом в космосе понятий выступают категориальные мировоззренческие системы. П. Копнин писал: «Так называемая эпистемологическая интерпретация с помощью категориального аппарата включает язык научной теории в общий ход движения знания, в интеллектуальное развитие человечества» [33, с. 195]. В другом месте он детализирует свое понимание эпистемологического анализа применительно к научной теории: «Эта эпистемологическая интерпретация теории использует все

имеющиеся в науке и логике средства. Она предполагает и проверку ее посредством логических критериев, эксперимента, прагматического анализа, однако не останавливается ни на одном из этих уровней и их совокупности, а идет дальше. А именно: она включает теоретическую систему в общий процесс развития научного знания, а вместе с тем и человечества вообще и только таким путем устанавливает ее познавательное значение и смысл» [33, с. 296].

В целом П. Копнин был эпистемологическим оптимистом. Решая в общем виде проблему существования научного знания, он смотрел на нее с позиций исторического прогресса. Последний же, хоть и может приобрести зигзагообразный характер, но лишен злокозненности. Поэтому П. Копнин, вопреки своим же выводам, верил в возможность полного слияния объекта и субъекта при использовании правильного метода: «Истинное мышление в своем содержании должно совпадать с объектом, а для этого оно должно развиваться по законам, содержание которых носит объективный характер. Если метод будет вести мышление по правилам, которые не отражают объективных закономерностей, то он из орудия достижения объективной истины превратится в средство увода мышления в сторону от нее. Функция научного метода – направить движение мышления по законам, отражающим объективный мир, только в таком случае оно полностью сольется с объектом» [33, с. 276]. Видимо, просвещенческие иллюзии о том, что социальное освобождение позволяет истине воссиять в мире, не дали возможности великому уму заметить логический круг, когда объективность является и предпосылкой, и результатом познания.

Отталкиваясь от основ эпистемологического анализа, сформулированных П. Копниным, я не могу разделить его иллюзий. В наше время эпистемология стала весьма амбивалентной, будучи и наукой, и орудием манипулирования массовым сознанием.

Впрочем, ее амбивалентность почувствовал еще Л. Флек. Он понял, что утверждение о социальной природе знания может быть истолковано как отказ от объективной истины. Ему не нужно было далеко ходить за примерами. В СССР догмой стало представление о классовой природе науки, а в Германии – ее расовая природа. Релятивизм в подходе к познанию в научной среде оборачивался цинизмом: «Из множества опасностей, стоящих за этим, одна наиболее очевидна: растет поколение будущих научных работников, впитавших в себя мысль о том, что нет истины, как она понималась в старом, добром смысле учеными-специалистами. Утратив доверие к разуму, одни становятся фанатиками, другие – циниками, убедившись в том, что нет столь большой глупости, которая не могла бы снискать всеобщее одобрение благодаря умной и

назойливой пропаганде» [61, с. 169 - 170]. Чтобы в этом убедиться, достаточно вспомнить триумфы Трофима Лысенко в сталинском СССР и Ганса Хербигера в нацистской Германии.

Понимание проблемности такого предприятия, как социальная эпистемология, видимо, толкнуло Карла Поппера к созданию явно неудачного проекта «эволюционной эпистемологии», которую сам автор рассматривал как распространение дарвиновского принципа на познавательный процесс. Привлекательным выглядит само стремление К. Поппера к реабилитации истины как гносеологического идеала, однако перспектива достижения истины в дарвиновской борьбе предположений вне учета социальных факторов выглядит весьма туманной. Конечно, в естественных науках познавательный процесс включает собственно мыслительную деятельность с огромной материальной инфраструктурой. Здесь как бы сама природа сопротивляется неверным предположениям. К тому же, естественнонаучные знания включаются в совокупную человеческую практику и это усиливает объективную силу сопротивления неверным предположениям о природе реальности. Здесь можно воскликнуть строкой из стихотворения Гете «Vermächtnis (Завет)»: «Was fruchtbar ist, allein ist wahr...» (Лишь то истинно, что плодотворно ...)¹

Проблема истины сложна и в естествознании, но еще сложнее обстоит дело в науках об обществе, которые сами являются частью общественного процесса. Праксеоморфность знаний (то есть заданность их формами практики) здесь особенно значима. Поэтому в обществоведении и гуманитаристике сливаются собственно наука и идеология, в их категориях мышления отражаются коллективные интенции и надежды. Значительное число понятий имеют нечеткие контуры объема и содержания и меняют смыслы в зависимости от использования субъектами с разной социальной позицией, в ответ на изменение социальной ситуации и пр. Лишь в качестве примеров можно назвать понятия «рынок», «справедливость», «эксплуатация», «революция», «капитализм», «коммунизм». Сочинения авторов, стремящихся к объективности, превращаются в коллекционирование мнений. Даже понятия уже принято определять доксографически (греч. Доха - мнение, взгляд), то есть сравнивая между собой уже высказанные мнения и предлагая на их основе свое.

Даже факты, если под ними понимать не сингулярные (единичные) события, а некие длительные процессы, требующие статистических обобщений, фиксируются нечетко. В разных теоретических перспективах одни и те же события могут попадать в разные группы социально-статистических фактов, не говоря уже об их разном истолковании. Для примера возьму так называемые «волны демократизации». Александр Фисун пишет: «В начале 1990-ых годов в политическую на-

уку широко входит новая теоретическая парадигма «волн демократизации», которая вписывает национальные процессы утверждения современных институтов демократического правления в транснациональный контекст мировых модернизационных преобразований» [60, с. 95]. Далее он сравнивает хронологию этих преобразований в работах ведущих авторов этого направления исследований. Роберт Даль отождествлял волны демократизации с периодами распространения полиархий (этим термином он обозначил конкурентные политические системы, где различные политические группы борются за голоса избирателей). Он их выделил три и дал такую датировку: 1) 1776 – 1930 гг.; 2) 1950 – 1959 гг.; 3) 1980 – ые годы. Сэмюэл Хантингтон дополнил картину Р. Даля понятием «обратной волны» и дал иную хронологию демократизационных порывов: 1) 1828 – 1926 гг.; 2) 1943 – 1962 гг.; 3) после 1974 г. Филипп Шмиттер насчитал четыре глобальные волны демократизации: 1) 1848 – 1852 гг.; 2) 1918 – начало 1930 – х гг.; 3) 1945 – предположительно по средину 1960 – х гг.; 4) после 1974 г. [60, с. 96 - 97]. А. Фисун разделяет концепцию четырехтактной демократизации, но считает, что четвертый ее такт связан не с революцией 1974 г. в Португалии, а с постсоциалистическими трансформациями [60, с. 138]. Однако, это весьма интересная демократизация, ибо она чревата формированием как демократических, так и авторитарных режимов, а ее итогом во многих странах стал захват и функциональная приватизация государственного аппарата элитными группами (неопатриомониализм). Автор пишет: «Моя гипотеза заключается в том, что в условиях инверсионного развития постсоветские пакты совершались вокруг другой «повестки дня», а именно: неформального соглашения по «захвату государства» и монопольной апроприации публичных политико-экономических функций» [60, с. 150]. Я разделяю вывод автора о характере постсоветских режимов, но не могу не выразить удивления по поводу странности «демократизации». В целом же такой разноречивой в конструировании хронологий (социально-статистических фактов) можно объяснить только наложением априорных ценностных конструкций на исторический нарратив, созданный с позиции теории модернизации. Теория модернизации при этом является и методологической основой, и идеологическим фоном.

Как же должен решаться вопрос об истинности знания в общественных и гуманитарных науках? Имею в виду не простое совпадение события и его вербального обозначения, а понимание, согласно которому, как писал П. Копнин, «истина как гносеологическая категория всегда есть система, зрелой формой которой является теория. <...> Объективная истина – это не просто система, а развивающаяся система научного знания. Увековечивание какой бы то ни было системы знания

означает его омертвление, то есть гибель истины» [33, с. 165 - 166].

Этот вопрос сейчас приобрел чрезвычайную остроту. Проблема истины – это и проблема пределов власти людей друг над другом. Если под истинной понимать некую конвенцию или совокупность конвенций власть имущих, то тогда социальные и гуманитарные науки – лишь инструменты создания некоего сновидения, принимаемого народом за действительность. Борьба же ведется лишь за разные варианты сновидений. В такой системе координат вполне допустимо вместе с пиарщиками смаковать гипотезу американского генетика Юджина Маккарти о том, что человек – это гибрид шимпанзе и свиньи и относиться к представителям *Homo sapiens* соответственно [50].

В данном тексте, имеющем достаточно узкую цель, я не могу претендовать на решение проблемы истины, которая выглядит все более запутанной в современной логике и философии. Ограничусь только тем, что намечу путь движения для предмета своего исследования. Для этого воспользуюсь наличием в современной науке двух концепций истины – корреспондентной и когерентной. Первая, восходящая к Аристотелю, предполагает под истиной соответствие языковых утверждений о реальности состоянию этой реальности. Вторая концепция истину усматривает в согласованности высказываний в рамках определенной знаковой системы, формулировку новых высказываний в соответствии со строгими правилами выведения [41, с. 69 - 71]. В данном случае не буду обсуждать другие теории истины, имея в виду прагматическую и перформативную, ибо первая тяготеет к корреспондентной теории, а вторая – к когерентной [4, с. 101]. Знатоки, безусловно, найдут здесь много тонкостей, но для нас они в данном случае несущественны.

Эти теории претендуют на всеобщность и все не имеют целью своего существования решить проблему истины в науках об обществе. К тому же современные логики считают, что они не исключают друг друга. Мирослав Попович пишет: «Можно уверенно сказать, что и там, где ‘язык порождает правду’, где истина является следствием когерентности взаимосвязанных утверждений, справедливо и альтернативное утверждение – истина состоит в корреспонденции знаний и действительности, «правда рождает язык» [41, с. 94]. Это тем более можно принять за отправную точку в дальнейшем исследовании, если говорить об истине не как о некой «вещи», о некоем законченном состоянии знания, а как об истинности, то есть об интенции или векторе познавательного процесса.

Для общественных наук вышесказанное имеет следующее применение. Сейчас непреложным считается, что социальная действительность нам дана двумя способами – в языковом описании и в своей непосредственной предметности. Причем,

даже сталкиваясь с самыми жесткими проявлениями социального мира, человек их видит через призму языковых конструкций. При этом не исключается, что столкновение с реальностью может обусловить переход от одной языковой конструкции к другой или к созданию принципиально новой конструкции.

Языковые конструкции, позволяющие воспринимать мир как поддающуюся пониманию реальность, коммуницировать по его поводу и действовать в нем, сейчас определяются понятием «дискурс». Луиза Филлипс и Марианне Йоргенсен сравнивают дискурс с рыбацкой сетью, в которой узлы – это базовые понятия. Сеть может растягиваться и сжиматься, а, следовательно, конфигурация отношений между понятиями может меняться, но пока существует дискурс эти связи не разрываются [59, с. 57]. В одной и той же предметной области могут сосуществовать и бороться между собой несколько дискурсов, образуя «строй дискурса» [59, с. 105]. Каждый дискурс – это не только языковая конструкция, но это и форма социальной деятельности, а, следовательно, арена реализации власти и сопротивления ей. Думаю, что одной из форм дискурса можно считать нарратив, который играет большую роль в конструировании коллективных идентичностей и является полем реализации власти.

Теория дискурса позволяет уточнить первичные для эпистемологического анализа понятия «стиль мышления» и «мыслительный коллектив». Первое характеризует разновидности дискурсов, а второе предполагает разнообразие субъектов и присутствие властных интенций. Последнее часто означает, что мыслительный коллектив заменяется коллективом штатных пропагандистов, производящих семиотические конструкции для психологического воздействия на население. Они же создают мыслительные конструкции («мыслительные клетки») для лояльных интеллектуалов. Их эпидемическое распространение обуславливается не убедительностью, а конформизмом или прямой демонстрацией реципиентами лояльности.

Эпистемологический анализ предполагает двухуровневый подход: 1) выявление исторических и структурных особенностей дискурса, его интенциональной природы относительно социальных процессов, частью которых он является; 2) определение содержания дискурса, обусловленного внешними по отношению к нему факторами. Это содержание может не только выражаться, но и маскироваться и даже замалчиваться. Первый аспект анализа должен учитывать, что в рамках дискурса действуют когерентные ожидания истины. Метапозиция по отношению к дискурсу предполагает приоритетность корреспондентной теории истины.

«Гибридная война» как дискурс. При обзоре работ я уже писал, что существует несколько дис-

курсов «гибридной войны». Мы остановимся на западном, российском и украинском. Исходным в данном случае, конечно, является западный, в своей основе американский дискурс. Авторы монографии «Світова гібридна війна: український фронт» утверждают, что он вышел из Корпуса морской пехоты США, который по роду своей деятельности вынужден объединять приемы разных родов войск [47, с. 29]. Но позже, при Дж. Буше-мл., в США этот термин начал использоваться для обозначения военных операций в «несостоявшихся / павших странах» (failed states) или в тех, которые приближаются к такому состоянию. Так, полковник Маргарет Бонд доказывала, что в таких операциях армия должна сочетать собственно военные действия с гуманитарными миссиями. По ее мнению, военные это сделают более эффективно, чем неправительственные организации [69]. Таким образом, гибридные войны рассматривались как механизмы экспорта демократии.

Более широкий контекст этому термину задал Фрэнк Гоффман [72], для которого эти войны связаны с глобализацией, распространением политического экстремизма и технологическими новшествами телекоммуникации. Будучи крайне неопределенным, термин «гибридная война» сделал стремительную карьеру в странах НАТО [70; 71]. В качестве модельного события при этом рассматривали Вторую Ливанскую войну 2006 г. и военные операции Израиля в секторе Газа [73]. В названных работах акцент делается на самой технологии войны и на задний план отодвигается ее социальная природа.

В западной литературе дискурс «гибридная война» вписан в порядок дискурса о войнах нового типа, который имеет достаточно конфликтный характер. Этот порядок дискурса породил множество альтернативных терминов: «конфликт низкой интенсивности», «вырожденная война» (degenerate warfare), «обломки» войны, «войны третьего рода», «приватизированные войны», «постсовременные войны» и пр. Многие авторы избегают идеологической нагруженности, которая образовалась у термина «гибридная война». На это указывает Мэри Калдор, предпочитающая идеологически нейтральный термин «новая война». Социальной особенностью новых войн она считает насильственное распространение партикулярных идентичностей, которое подпитывается чудовищной жестокостью. Главными жертвами подобных войн являются мирные жители [20].

Дискурс гибридной войны на Западе опирается на две идейные конструкции, которые сами по себе слабо соединимы. Первой нужно назвать теорию модернизации как воспроизведение в «отсталых» странах западных институтов. Приведу характеристику этой теории, которую дали Шмуель Эйзенштадт и Вольфганг Шлюхтер. Эта характеристика тем более ценная, что Ш. Эйзенштадт сам

был одним из разработчиков названной теории: «Теории модернизации и современности, как они были сформулированы в 50 – 60-е годы, основывались на теории конвергенции. Предполагалось, что процесс модернизации может стереть все культурные, институциональные, структурные и ментальные различия и беспрепятственно привести к однородному современному миру. Хотя небольшие различия могли бы сохраниться, в первую очередь, как считали эти теории, в силу сопротивления досовременных факторов, они, однако, должны были, в конечном счете, постепенно исчезнуть» [66, с. 263].

Второе основание дискурса расходится с первым. Это – постмодерн как интеллектуальное движение. В его рамках нынешний момент жизни человечества расценивался как разрыв с Модерном. Следствием считался отказ от идеологии, более того от больших метанарративов. Прогресс объявлялся пережитком. Все культуры рассматривались как равноценные. Культурная жизнь превращалась в лишенную корней игру смыслами [62]. Это интеллектуальное движение сейчас практически сошло со сцены и о нем вспоминают только в интеллектуальной провинции. Но от него остались словесные новообразования. «Гибридность» – из их числа.

Российский дискурс «гибридной войны» является ответом на соответствующий западный дискурс. Реактивность российского дискурса имеет два аспекта: 1) в нем анализируется опыт военных действий, которые вели США и другие страны НАТО в последние два десятилетия, и на его основе судят о современных войнах. Отсюда делаются выводы о необходимых направлениях развития вооруженных сил РФ; 2) «цветные революции» рассматриваются в качестве одного из этапов новой войны. Обосновывается взгляд, что они, как боевые политехнологии, могут быть применены против России. При этом интересы страны отождествляют с интересами группировки В. Путина, что придает всему российскому дискурсу охранительный реакционный характер.

Первый аспект дискурса развивается российскими военными. Репрезентативной фигурой здесь может выступать генерал армии Валерий Герасимов. Этот военный интеллектуал, способный глубоко и ясно мыслить, поставил свой талант на службу путинской властной группировке и запятнал свою репутацию участием в войне против Украины. Будучи начальником Генерального штаба РФ, он не только планировал захват Крыма и вторжение в Донбасс, но и лично присутствовал во время операции в Илловайске. Он также является одним из главных организаторов российского участия в сирийской войне [39].

Валерий Герасимов свое понимание современной войны сформулировал в январе 2013 г. на общем собрании Академии военных наук РФ. Он

отталкивался от обширного эмпирического материала, полученного в ходе т.н. «Арабской весны». Факты демонстрировали, что даже, казалось бы, благополучные государства могут в короткое время превратиться в арену вооруженной борьбы. Генерал Герасимов пришел к выводу, что сейчас в ходе противостояния государств стираются различия между состояниями войны и мира, а во время военных действий стираются различия между стратегическими и тактическими, наступательными и оборонными мероприятиями. Важным фактором победы становятся асимметричные действия с использованием сил спецопераций (включая использование частных военных компаний), внутренней оппозиции, информационных воздействий. В межгосударственных противостояниях используется широкий спектр политических, экономических, информационных, гуманитарных и др. невоенных мер с опорой на протестный потенциал населения в стане противника. В. Герасимов говорил: «...Сами «правила войны» существенно изменились. Возросла роль невоенных способов в достижении политических и стратегических целей, которые в ряде случаев по своей эффективности значительно превзошли силу оружия» [13]. В современной войне «фронтальные столкновения крупных группировок войск (сил) на стратегическом и оперативном уровне постепенно уходят в прошлое. <...> Дистанционное бесконтактное воздействие на противника становится главным способом достижения целей боя и операции. Поражение его объектов осуществляется на всю глубину территории» [13].

Генерал Герасимов утверждает, что в войнах современного типа повышается роль мобильных межвидовых группировок войск. При этом он сетует, что в РФ организация армии пока препятствует этому. Видимо, отталкиваясь от этого вывода, генерал и решил сделать ставку в 2014 г. на Донбассе вместе армейских межвидовых соединений на бандитские группировки Гиркина, Безлера и др. Следует отдать должное генералу Герасимову. Он подчеркивал еще в 2013 г., что современная война невозможна без науки и что «...каждая война представляет собой частный случай, требующий понимания своей особой логики, своей уникальности» [13]. Поэтому, будучи провозглашенным одним из главных теоретиков «гибридной войны», он никогда не абсолютизировал это понятие. В 2017 г. он писал, что «...использовать этот термин как устоявшийся пока преждевременно» [14].

Генерал Герасимов инициировал дискуссию в среде российского военного экспертного сообщества об определении войны применительно к изменившимся условиям. Он, видимо, осознал, что расширительное использование понятия «война» влечет серьезные политические последствия. Государство имеет право отвечать на агрессию все-

ми наличными средствами, а это может оказаться результатом неадекватного понимания ситуации. Ведь в современном мире формы межгосударственного противостояния стали очень разнообразными, поэтому: «оборотной стороной гибридных действий становится новое восприятие мирного времени, когда военные или иные открытые насильственные меры против того или иного государства не применяются, но его национальная безопасность и суверенитет находятся под угрозой и могут быть нарушены» [14]. Валерий Герасимов склоняется к тому, чтобы такие периоды не считать этапом войны, который неизбежно приведет к применению военной силы. По его мнению, «...основное содержание войн в современности и в обозримой перспективе останется прежним. А их главный признак – наличие вооруженной борьбы» [14]. Что же касается «гибридной войны», то «к ней относятся действия в период, который невозможно в чистом виде отнести ни к войне, ни к миру» [14]. Второй аспект российского дискурса по рассматриваемому вопросу связан с признанием «цветных революций» в соседних странах начальным этапом войны против России. Александр Бартош пишет: «Как правило, «цветные революции» представляют собой начальный этап гибридной войны» [6, с. 75]. Андрей Манойло без обиняков заявляет, что «...целью новой волны «цветных революций» – не Украина и не режим Януковича, а Россия, ее суверенитет, территориальная целостность» [36, с. 27]. По его мнению, события конца 2013 – 2014 гг. в Украине – «...последняя генеральная репетиция такой революции, ее обкатка на стране со сходным менталитетом, культурой и цивилизационной идентичностью» [36, с. 27].

Владимир Акулинин и Наталья Епифанова, будучи авторами с более широким взглядом на обсуждаемую проблематику, тоже пишут, что «...гибридная война является не просто технологией межгосударственной конфронтации, а отдельной концепцией, взятой за основу в межгосударственном противостоянии России и США» [1, с. 53]. Частью «гибридной войны» они считают и санкционную политику США, но при этом утверждают, что она ударила не столько по России, сколько по ЕС, который потерял 1,7% ВВП [1, с. 57].

Александр Бартош, отталкиваясь от справедливого тезиса о том, что «гибридные войны» являются следствием глобальной нестабильности, главное внимание обращает на их политические и социальные технологии: «Под гибридной войной подразумевают необъявленные, тайные военные действия, в ходе которых воюющая сторона атакует государственные структуры или регулярную армию противника с помощью местных мятежников и сепаратистов, поддерживаемых оружием и финансами из-за рубежа и некоторыми внутренними структурами (олигархами, организованной пре-

ступностью, националистическими и псевдорелигиозными организациями)» [6, с. 73].

В России интеллектуалы, близкие к власти, сделали знание о новом характере войны амбивалентным: охранительным орудием и инструкцией по нападению. Но при этом в этих кругах продолжали всю ответственность возлагать на США и НАТО. А. Бартош утверждает: «Разработка США и НАТО стратегий гибридных войн и гибридных угроз, их тестирование в ряде конфликтов в различных районах мира содержит прямую угрозу национальной безопасности России» [6, с. 73]. Для кого Россия, взявшая на вооружение эту же стратегию, превратилась в угрозу, автора не интересует.

И последний сюжет в нашем разборе российского дискурса. Его участники уверены, что организация революций и развязывание «гибридных войн» - это дело ресурсов. А. Бартош писал: «Успешная реализация комплекса угроз зависит от наличия источника, способного обеспечить необходимые силы и средства, а также возможность доступа к ним» [6, с. 74]. А. Манойло выражается более грубо: «... «Цветная революция» не начнется, пока в страну не будут скрыто завезены и размещены в банках и фондах значительные денежные средства» [36, с. 27]. Это суждение ценно для нашего последующего анализа, ибо отражает волонтаристский, политехнологический подход к революциям и войнам. Для них не нужны причины, для них не нужны предпосылки, для них нужны деньги.

Российские авторы, работы которых цитировались до этого момента, мыслят рационально. Однако, в дискурс «гибридной войны» усилиями авторов наподобие Александра Дугина был внесен с помощью цивилизационного подхода иррациональный ценностный момент [18]. Принятию этого подхода довольно широким кругом интеллектуалов в современной России способствует культ таких мыслителей, как Н. Я. Данилевский, К. Н. Леонтьев, И. А. Ильин и др. В этом же направлении работает концепция борьбы таллассократии и теллутократии. Для простонародного употребления предлагается упрощенная версия антиамериканизма.

В Украине распространение понятия «гибридная война» было обусловлено агрессией РФ на Донбассе. Начавшаяся в 2014 г. война называлась, писавшими о ней, гибридной из-за смешения военных и уголовных методов ее ведения, из-за отказа называть ее подлинным именем братоубийства, из-за постоянного соединения правды и лжи в информационных сообщениях о ней, из-за постоянной смены ее обликов. Автор этих строк также пользовался этим понятием, не находя лучшего определения ситуации [30]. Ее нельзя было по роду применяемого оружия отнести к войнам шестого поколения, следуя принятому украинскими и российскими военными делению [22], но ее слож-

но было отнести и к удавшимся концептуальным войнам. Обе стороны противостояния в Донбассе стремились к разрушению старого порядка в стране семантическими средствами, но эти усилия на население влияли только частично и непредсказуемо.

Ситуация самого именованного происшедшего в 2014 – 2015 гг. не может быть понята вне контекста. Она выглядела иррационально как воплощение абсурда. Тревога и дефицит информации порождали слухи, и распространение самого имени гибридной войны произошло благодаря этим механизмам. Но имя не возникло стихийно, а было настойчиво предложено массовому сознанию СМИ, куда оно попало от политиков и экспертов. К нашим же политикам и экспертам этот термин попал с Запада. 26 апреля 2014 г. на сайте «Радио Свобода» появилось интервью генерала Франка ван Каппена, который говорил: «Гибридная война – это смешение классического ведения войны с использованием нерегулярных вооруженных формирований. Государство, которое ведет гибридную войну, совершает сделку с негосударственными исполнителями – боевиками, группами местного населения, организациями, связь с которыми формально полностью отрицается. Эти исполнители могут делать такие вещи, которые само государство делать не может, потому что любое государство обязано следовать Женевской конвенции и Гаагской конвенции о законах сухопутной войны, договоренностям с другими странами. Вся грязную работу можно переложить на плечи негосударственных формирований» [43]. Генерал, ссылаясь на исследование еще 2004 г. Multiple Futures, представлял произошедшее как практическую неизбежность: «Ни Украина, ни остальные страны, оказавшиеся на линии соприкосновения геополитических платформ, не имеют возможности самостоятельно выбирать свою судьбу: они зажаты между российской сферой влияния с одной стороны и западной или европейской – с другой. Если страна находится на этой линии среза, значит, жди беды» [43]. От столкновения двух «геополитических платформ» он переходил к коварным замыслам В. Путина и достаточно подробно их разбирал.

В украинском дискурсе «гибридной войны» своеобразно переплелись западные и российские представления о войнах нового типа, которые были истолкованы с позиций украинского национализма и его рефлексии над межрегиональными различиями внутри страны. Методологической платформой этого дискурса стал цивилизационный подход.

Концепт того или иного понятия зависит от дискурса, который связывает это понятие с другими и наделяет его смыслом, в котором отражаются смыслы других понятий, объединенных в сеть. В силу этого о концепте нельзя судить по одному определению. Скажем, в нашей стране наиболее

распространенным является такое определение: «Гибридную войну в общем виде понимают, как военные действия, которые осуществляются путем объединения милитарных, квазимилитарных, дипломатических, информационных, экономических и других средств с целью достижения стратегических политических целей» [47, с. 19].

Само по себе оно достаточно бессодержательное. К тому же против него можно выдвинуть множество содержательных контраргументов. Еще Карл фон Клаузевиц сравнивал войну с хамелеоном и делал вывод, «...что война есть не только политический акт, но и подлинное орудие политики, продолжение политических отношений, проведение их другими средствами. То, что еще остается в ней своеобразного, относится лишь к своеобразию ее средств» [24, с. 55-56]. Средства же варьируются в зависимости от обстановки.

Кроме общих соображений, можно содержательно оспорить каждый признак «гибридной войны». Информационная война, как равноценная часть войны, присутствовала уже в Первой мировой войне. Она была ориентирована как на собственное население, так и на население противника. В качестве иллюстрации первого аспекта приведу фрагмент из романа «Семья Тибо» очень осведомленного французского писателя Роже Мартен дю Гара: «Прежде, чем усесться в машину, где уже сидел Антуан, Рюмель купил у газетницы несколько вечерних выпусков. «Обрабатываем общественное мнение», - пробормотал Антуан. Рюмель ответил не сразу. Предосторожности ради он поднял стекло, отделявшее их от шофера: «Конечно, обрабатываем, - ответил он почти вызывающе, поворачиваясь к Антуану. – Как вы не хотите понять, что регулярное снабжение граждан успокоительными известиями так же необходимо стране, как подвоз продовольствия или снарядов?» «Да я и забыл, ведь вы отвечаете за души», - иронически заметил Антуан» [37, с. 55-56]. Второй аспект отражен Эрнстом Юнгером, который описывает воздушные шары с листовками, прикрепленными тлеющей бечевкой, которая должна перегореть как раз над территорией противника [67]. Стирание различий между фронтом и тылом зафиксировал Михаил Кольцов во время войны в Испании еще в 1936 г.: «Фронт и тыл перемешались. Там вооруженные люди в панике бегут. Здесь, на самой линии огня, чинят молотилку, пасется скот, играют дети» [26, с. 140].

Естественно, специфика украинского дискурса вовсе не в общем определении. Я уже говорил, что украинский и российский дискурсы «гибридной войны» связаны. В связи с этим уместно вспомнить вывод А. Бартоша: «Особенностью этого вида угроз является их четкая направленность против заранее вскрытых слабых и уязвимых мест конкретной страны или отдельного региона, что обуславливает уникальный характер гибридной

войны как нового вида современных конфликтов» [6, с. 73]. Если говорить об общем смысле цитаты, то можно сказать, что сказанное вовсе не ново под луной. Наверное, Наполеон, организуя континентальную блокаду, думал об уязвимых сторонах Англии. Новой тут является цель – концептуально «переопределить» страну. Для этого ее нужно провести через хаос и привести к новым параметрам порядка.

В украинских условиях дискурс «гибридной войны» больше направлен вовнутрь страны. Для нашей политической элиты всегда проблемой представлялась монополия распространения власти на территорию страны. Она имеет два аспекта. Первый является производным от выделения современной Украины из СССР в процессе его катастрофического распада. У значительных слоев населения сохранилось чувство общности с бывшими согражданами по Советскому Союзу. В особенности это касается отношения населения к России. Отсюда подчеркнутое пренебрежение на уровне официально поддерживаемой поп-культуры к «совку», обеспокоенность искоренением идентичности «советский человек». Для отделения символических порядков современных Украины и России использовался старый арсенал украинского национализма. Этому служила и служит сакрализация проблемы государственного языка. Законы о декоммунизации должны представить весь советский период украинской истории как колониальный и унижительный. Правящие круги Российской Федерации прямо или косвенно этому способствовали, глорифицируя имперское прошлое своей страны, демонстрируя пренебрежение к украинской независимости, вмешиваясь в наши внутренние дела. Второй аспект связан с региональной гетерогенностью страны, с наличием в ней двух стихийно сложившихся программ создания современной нации – моделей согражданства и этнонации [28]. Разные фракции правящего класса нашей страны выбрали разные модели для мобилизации электората. В силу этого общенациональные выборы с высокими ставками обнажили расколы внутри региональной системы Украины. Для мобилизации электората политтехнологи выявляли уязвимые стороны своей собственной страны, превращая межрегиональные различия в межрегиональные расколы и поминая линию «цивилизационного разлома» С. Хантингтона [12].

В «национал-демократическом» сегменте общественной жизни сложилась группа медийно раскрученных интеллектуалов, которые раздували донбассофобию. На противоположном краю политического спектра пробавлялись галичинофобией. Широко известными стали слова писателя Юрия Андруховича: «Если еще когда-то произойдет такое чудо, что в Украине снова победят, условно говоря, оранжевые, то нужно будет дать возможность Крыму и Донбассу отделиться. <...> ... Одна

седьмая Украины делает свой решающий вклад в то, как жить стране в целом. Поэтому я бы не отказывался от такого проекта и не делал бы вообще эту проклятую целостность какой-то догмой. <...> ... Наш проукраинский политикум без этих двух регионов на каждых выборах имел бы где-то свыше семидесяти процентов. То есть было бы такое прочное проукраинское большинство в парламенте, прочная проукраинская власть и западный вектор был бы вне дискуссий» [3]. Негативное отношение к Донбассу как к региону находило отражение и в публикациях периода войны. Как пример приведу сентенцию луганского журналиста Валентина Торбы: «Апатичный, беспомощный Луганск. Слово «политика» здесь звучит так же, как «университет» на селе. Бражка. Причем паленая, ядовитая бражка. От нее воняет на метры. Эту вонь хочется обойти, заниматься чем-то практичным, полноценным» [54, с. 27].

Примером галичинофобии может служить сочинение Дмитрия Табачника «Утиный суп по-украински» [53]. Здесь, если использовать политкорректные слова, жители украинского региона представлены некультурными агентами иностранного влияния.

Среди украинских правых еще задолго до 2014 г. разрабатывались модели административного выделения из Донбасса севера Луганской области и юга Донецкой области с последующим экономическим удушением ядерной структуры региона [40]. В период войны эта установка превратилась в ожидание распада регионального сообщества. Некоторые социологи операционализировали его для эмпирических исследований. Игорь Руценко писал: «Обе области, как и регион в целом, в свое время были сконструированы искусственно, в соответствии с текущими заданиями, которые решало большевистское правительство в Москве» [45, с. 35].

Ситуация российско-украинской войны была использована украинской правящей элитой для окончательного решения вопроса о монополии власти. Во внутреннем плане это означает победу проекта этнонации как основы региональной политики внутри страны. Она предполагает гомогенизацию культурного пространства страны. Во внешнем плане она предполагает полный разрыв украинского и российского национального организмов.

Второй аспект породил ряд интеллектуальных конструкций, заслуживающих, чтобы на них остановиться. Во-первых, это идея «всемирной гибридной войны». Владимир Горбулин пишет: «Именно такие войны порождают формирование нового гибридного мира, или, точнее, гибридного мироустройства» [47, с. 7]. Он специально подчеркивает всемирное значение событий на Донбассе: «Точкой отсчета для формирования гибридного мироустройства стала агрессия России против

Украины» [47, с. 7]. В этой связи производится отождествление России как страны с правящей группировкой ее политического класса во главе с В. Путиным. В принципе российские пропагандисты тоже усиленно добиваются этой цели. Далее Россия отождествляется, фактически, с метафизическим мировым злом: «Пока что Москва делает то, что она делала всегда, и достаточно успешно, - уничтожает существующую реальность» [47, с. 10].

Сотрудники Национального института стратегических исследований констатируют как факт: «...Гибридная война сменяет холодную войну как новая форма глобального противостояния» [47, с. 19]. В принципе, это тавтологично утверждению о полной хаотизации международных отношений. В таком мире невозможно доверие, все будут умышлять друг против друга, и все будут бояться друг друга.

Предельным основанием объяснения российско-украинской войны в нашем дискурсе рассматривается цивилизационный подход. Среди украинских социологов активным сторонником цивилизационного подхода является И. Руценко. По мнению ученого, «цивилизации являются высшей социальной единицей. Они не совпадают между собой в культурном и архетипическом измерениях народов и племен. Диалог между цивилизациями возможен, но он гораздо более сложен, чем согласование интересов, например, работодателей и наемных работников, где присутствуют только экономические интересы. Относительно конфликта, который мы рассматриваем, пропасть заключается в архетипах коллективного бессознательного, символично-мифологической отрицательности, ментальной несовместимости, разницы мировоззренческих и идеологических установок двух социальных миров, которые исторически олицетворяли Киев и Москва; следовательно, имеем конфликт ценностей. Противоречия приобретают характеристики статического конфликта с отрицательной суммой (все в проигрыше). Статический конфликт может сохраняться сотни лет, потому что отсутствует естественная динамика, а искусственное решение вопроса путем геноцида или этноцида вражеского сообщества не идет на пользу агрессору» [46, с. 113].

Цивилизационное понимание российско-украинской войны у Игоря Руценко не сводится к поиску четкой пространственной границы между российской (он ее считает «ордынской») и украинской (европейской) цивилизационными системами. В популяциях России и Украины, по его мнению, смешиваются представители обеих цивилизаций. «... И в украинском социуме, в т. ч. в украинском этносе, всегда были слои, преданные Москве и ордынской ментальности. Столкновение цивилизаций не может быть четко обозначено на карте, учитывая смешанный состав пограничных

областей, личностный выбор, который включает как рациональную составляющую, так и неясную и мутную область индивидуального и социального бессознательного. Однако война и государственные границы являются тем моментом истины, когда теоретические дискуссии уступают место суровой реальности и устанавливаются уже не ментальные, а физические пределы» [46, с. 114].

На этих примерах мы видим, что понятие гибридной войны переводит понимание происходящих событий из политико-экономической сферы в сферы этнического бытия, культуры, ценностей. Тем самым народы как носители культур противопоставляются друг другу как непримиримые враги. В случае российско-украинской войны политические классы проводят четкие границы своего господства, отрывая народы друг от друга.

Концепт «гибридной войны» в украинском научном сообществе подвергался критике как закрывающий путь к нюансированому пониманию реальности [35]. Однако, мощная идеологизация концепта «гибридная война» сделала его неуязвимым для рациональной критики. Он превратился в один из моментов легитимизации власти нынешней фракции украинской элиты.

Метаанализ дискурса «гибридной войны». Из дискурса невозможно выйти никуда, кроме как в иной дискурс. Однако, можно построить дискурс, который будет метауровнем по отношению к рассматриваемому дискурсу. Это даст нам необходимую критичность при его рассмотрении.

Методологическую основу для подобного предприятия может дать синтез мир-системного анализа, экологической социологии и теории Второго модерна, о чем мне уже приходилось писать [31]. С этих позиций мы рассмотрим как общие предпосылки новых войн, так и специфические факторы, вызвавшие ту реальность, которая скрывается под этикеткой «гибридная война».

Общие предпосылки повышения конфликтности в современном мире обусловлены современным состоянием мировой капиталистической системы с ее подразделением на центр, полупериферию и периферию. Центр добивался успехов в результате экстернализации издержек своей экономической деятельности. Это достигалось за счет эксплуатации периферии и загрязнения окружающей среды. Сейчас возможности этого практически исчерпаны [8, 2003]. Конечно, капитализм изобретателен. Все время появляются уловки, позволяющие переложить свои издержки на других: офшоры, поддержка формирования компрадорских элит в полупериферийных и периферийных странах, сектантские формы ведения бизнеса. Появление различных «молодых республик» или непризнанных квазигосударственных образований – явление этого же рода. Как правило, в них возникают отгороженные рынки с очень высокими ценами, а движение товаров через границу связано

с криминальными практиками (контрабанда, коррупция). Правда, пробавляются на таких довольно ограниченных рынках периферийные и полупериферийные игроки. На периферии мировой капиталистической системы возрождается военное предпринимательство, которым занимаются как поставщики оружия из стран центра и полупериферии, так и местные полевые командиры. Даже появляются новые рабские рынки, что можно было видеть в курдском городе Мосуле под властью ИГИЛ [19]. Примеры военного предпринимательства в разных вариантах можно наблюдать в последние годы в Заире, Ливии, Сирии, Йемене.

Есть также ряд структурных обстоятельств, дестабилизирующих систему международных отношений. Ли Миньци главными среди них считает два: 1) упадок гегемонии США и 2) численный рост мировой полупериферии [34]. Первый аспект как фактор дестабилизации достаточно очевиден, ибо провоцирует борьбу новых претендентов на роль гегемонов в мировом и региональном масштабах. Специально мы его рассматривать не будем. На втором аспекте остановимся более подробно. Если в середине XX века центр – полупериферия – периферия по численности населения соотносились как 20:20:60, то при сохранении нынешних тенденций к 2020 г. полупериферия охватит 60% населения Земли. Это уже приводит к глобальному перераспределению прибавочной стоимости. Вследствие этого меняется и политический ландшафт нашей планеты: на смену G7 пришло G20, появилось много новых субъектов мировой политики (международные организации, созданные государствами; международные НГО, террористические организации) [34].

Ли Миньци и другие социологи к факторам дестабилизации современной мировой системы относят ресурсный кризис и нарастание экологической угрозы. К сожалению, современные игроки на мировой арене как государственные, так и негосударственные идут не по пути кооперации, а наращивают конфронтацию в борьбе за ресурсы. Это становится еще одним фактором производства рисков в современной системе международных отношений [68].

Войны нового типа возникли в результате нескольких обстоятельств. С одной стороны, гегемония США в мировой капиталистической системе после 1945 г., драматическое противостояние социалистической и капиталистической систем, сплотили страны центра и на длительное время сделали войны между ними невозможными. Но зоной войны стал «третий мир», т. е. страны мировой периферии. Это были «войны под ядерным зонтиком» великих держав, руководство которых после Карибского кризиса осознало неприемлемость атомной войны как средства разрешения межгосударственных противоречий. Это обстоятельство толкнуло военную мысль на развитие

обычных вооружений, которые становились все более изощренными. Совершенствовались и организационные средства войны. Все большую роль в войнах играли силы спецопераций и спецслужбы. Террористы и спецслужбы заимствовали друг у друга методы борьбы. Одной из мировых лабораторий выработки новых форм войны стал Израиль, находящийся в перманентной конфронтации с арабским миром.

В техническом аспекте качественные изменения в средствах войны сыграли открытия в области телекоммуникации и компьютеризация армий. Стали возможными бесконтактные войны, наподобие той, которую НАТО вело против Югославии.

Мне не хотелось бы сбиться на обсуждение технической стороны новых войн, в чем я не являюсь к тому же специалистом. Для целей нашего рассмотрения важно, что само развитие средств ведения войны было обусловлено социальными обстоятельствами.

Однако, далеко не все новые войны могут быть определены как «гибридные». Скажем, войну США и союзников против Талибана в Афганистане вряд ли так можно назвать. Это, кстати, обнажает недостаток нашего отечественного дискурса о «гибридной войне», ибо он не дает необходимых средств различения, топя все в гибридной луже. Между тем, в современном мире возможны и конвенциональные войны. Возможно и много чего другого (военные экспедиции, превентивные удары и пр.).

Реальность, скрывающаяся за термином «гибридная война», связана с изменениями в социальной структуре современных обществ и с изменениями в их политической сфере. Говоря об изменениях в социальной сфере, я сошлюсь на украинского социолога Анатолия Арсеевко, который на основе огромного количества исследований западных и отечественных ученых сделал вывод, что за последние 30-40 лет сформировалась система транснационального капитализма. Она не может рассматриваться как совокупность национальных капитализмов, а является специфической надстройкой над всеми национальными рынками. Эти изменения породили особый социальный слой – транснациональную буржуазию [5]. Это – не просто сверхбогатые люди. Их интересы связаны с деятельностью транснациональных структур (транснациональных корпораций, банков, иных организаций). В силу этого интересы этого слоя далеко не всегда совпадают с интересами правящих классов даже стран центра. Официально эта новая социальная группа нигде не представлена в политике, но реально ее политическое влияние огромно. Оно достигается через финансирование партий, неправительственных организаций (НГО), СМИ, аналитических центров. Во многом из-за этого влияния политическая жизнь в современном мире приобрела проектный характер. Те или иные

движения создаются как проекты, революции замышляются как проекты и войны тоже проектируются.

Понимаю, что нарываюсь на обвинение в поддержке теории заговора, но ведь и заговоры в нашем мире – обыденность. Замечу, что транснациональная буржуазия все же в основном сосредоточена в странах центра, но не привязана жестко к одной стране.

Другим важным изменением в социальной структуре современных обществ является появление прекариата, который занял место пролетариата. Прекариат – это атомизированная совокупность людей наемного труда и самозанятых, при этом воспринимающих свое положение как временное, возникшее в результате жизненной неудачи. Зигмунт Бауман, который является одним из первооткрывателей этого социального слоя, писал, что его объединяющей характеристикой является «состояние крайней дезинтеграции, пульверизации, атомизации» [7, с. 80]. Прекариат вовсе не связан с передовыми производительными силами, как в свое время пролетариат. Он и не является носителем прогрессивных тенденций общественного развития. Из его рядов вербуются наемники для различных проектов. Эвфемистически они именуется активистами. При этом не следует думать, что прекариат состоит только из людей физического труда. В него входят и наемные работники интеллектуального труда, например журналисты, чье положение в современном мире стало очень неустойчивым. Транснациональная буржуазия формирует из прекариата армии для разных целей, армии под проекты.

Второе важное изменение касается политики. Если в период Первого модерна поле политики очерчивалось государством и нормальной его формой считалось национальное государство, то в обществах Второго модерна государства утратили множество функций [29]. Одновременно с этим ослабевшие государственные институты в полупериферийных и периферийных странах временно функционально приватизируются представителями политического класса. Это явление описывается понятием «неопатримониализм». В силу этого демократические по происхождению государственные институты становятся институтами имитативной демократии. Политический класс утрачивает функцию представительства, ибо представляет только самого себя. Политическая борьба становится борьбой его фракций. Впрочем, ставкой в этой борьбе является власть и собственность в единстве. Проницательно об этом пишет Александр Фисун: «Ключевую роль в функционировании постсоветских неопатримониальных систем играют не рационально-легальные отношения в рамках официальных систем взаимодействия, а клиентарно-патронажные связи, которые регулируют доступ неопатримониальных игроков к раз-

личного рода ресурсам на основе отношений личной зависимости, вырастающей из асимметричной конвертации и обмена капиталов. Соответственно, формирование экономического капитала происходит не через присвоение средств производства, а, прежде всего, через присвоение административных средств управления» [60, с. 167].

В описанных условиях, которые я предпочитаю определять понятием «мульковый капитализм» («мульк» - это арабское слово, обозначающее неразрывность власти и собственности, я заимствовал у арабского мыслителя XIV в. Ибн Хальдуна) [27], получившая выборным путем власть та или иная фракция (клиентальная группа) политического класса стремится к монополизации своего доминирующего положения и в политике, и в экономике. Процесс монополизации одновременно является и процессом создания оппозиции. Это обрекает неопатримониальные режимы на цикличность развития. Циклы отделяются друг от друга как цезурами тем, что Александр Фисун изящно определил как «неопатримониальные революции» (известные под бессмысленным названием цветных) [60, с. 200].

У современных неопатримониальных революций есть одна особенность. Они происходят не просто тогда, когда раскалывается элита внутри страны, но и когда ее «революционные» фракции получают поддержку от мощных групп транснациональной буржуазии. В среде современных элит революции начали рассматриваться как дело техники и средств. Это явления я уже предложил назвать «буржуазным бланкизмом» [32]. Его обоснованию послужили исследования Джека Голдстоуна [16] и Джина Шарпа [64]. Пропагандистом буржуазного бланкизма является современный российский теоретик Валерий Соловей [51]. Последний пишет, что «...искать причины революций надо не во внешних факторах – так называемых «объективных причинах» – а в людях, которые эти революции устраивают» [51, с. 55].

«Гибридные войны» - это термин, маскирующий описанную реальность, являющуюся общей социальной почвой как неопатримониальных ре-

волюций, так и войн. Дело не в том, что «цветные революции» являются причиной войн. Дело в том, что они вырастают из одного источника и носят проектный характер. В них страны и народы используются разными фракциями элит для достижения своих целей.

Выводы. Возникнув как технический термин в США, понятие «гибридная война» вошло в политический дискурс и распространилось по всему миру. Оно включилось в национальные дискурсы в Украине и России, приобретя своеобразные смыслы. В США и странах НАТО концепт «гибридной войны» базируется на теории модернизации и применяется для описания военных операций в failed state (несостоятельных/павших странах).

Этот дискурс насыщен техническими аспектами военных действий, которые носят асимметричный характер. Российский дискурс, будучи зеркальным отражением дискурса США, связал войны и «цветные революции». Его методологической основой стала цивилизационная теория. По своей сути он сложился как охранительный по отношению к нынешней властной группировке в России. Украинский дискурс по этому вопросу связан и с американским, и с российским дискурсами. Он чрезвычайно идеологизирован и используется правящей элитной группой для легитимизации своей власти.

Во всех проанализированных дискурсах концепт «гибридной войны» маскирует реальность, из которой возникает. Она является следствием дестабилизации мировой капиталистической системы, появления транснациональной буржуазии, складывания неопатримониальных режимов. В среде современных элитных групп общественные преобразования воспринимаются как проекты, требующие средств.

Распространилась идеология «буржуазного бланкизма», которая находит разное выражение и в «цветных революциях» и в «гибридных войнах». Последние – это войны элитных групп, которые временно функционально приватизируют государственные институты и используют их ресурсы для партикулярных целей.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Вариант перевода предложил в личном общении филолог Александр Забирко.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Акулинин В. Н. Концепция гибридной войны в практике межгосударственного противостояния / В. Н. Акулинин, Н. С. Епифанова // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2015. – № 36. – С. 53 – 60.
2. Александер Б. Как выигрываются войны / Б. Александер; пер. с англ. В. Беленького. – М.: ООО «Издательство АСТ»; ООО «Транзиткнига», 2004. – 608 с. (Серия: Классическая военная мысль).
3. Андрухович вважає, що Криму і Донбасу треба відділитися від України – Режим доступу: <https://tsn.ua/ukrayina/andruhovich-vvazhaye-scho-krimu-i-donbasu-treba-viddilitsya-vid-ukrayini.html>
4. Анкерсмит Ф. Нарративная логика. Семантический анализ языка историков / Ф. Анкерсмит; пер. с англ. О. Гаврилишиной, А. Олейникова. Под научн. ред. Л. Б. Макеевой. – М.: Идея-пресс, 2003. – 360 с.
5. Арсеенко А. Г. Глобалізація: соціальні зміни і наслідки напередодні XXI століття / А. Г. Арсеенко // Соціологія:

- теорія, методи, маркетинг. – 1999. – № 1. – С. 42 – 58.
6. Бартош А. А. Гибридные войны как проявление глобальной критичности современного мира / А. А. Бартош // Геополитика и безопасность. – 2015. – № 1. – С. 71 – 78.
7. Бауман З., Донскіс Л. Моральна сліпота. Втрата чутливості у плінній сучасності / З. Бауман, Л. Донскіс; пер. з англ. О. Буценка. – Київ : Дух і Літера, 2014. – 280 с.
8. Валлерстайн И. Конец знакомого мира: Социология XXI века / И. Валлерстайн; пер. с англ. под ред. Б. Л. Иноземцева; Центр исследований постиндустриального общества. – М.: Логос, 2003. – 368 с.
9. Ван Кревельд М. Трансформация войны/ М. ван Кревельд/ Пер. с англ.– М.: Альпина Бизнес букс, 2005. – 344с.
10. Виступ Президента України під час загальних дебатів 72-ї сесії Генеральної Асамблеї ООН – Режим доступу: <http://www.president.gov.ua/news/vistup-prezidenta-ukrayini-pid-chas-zagalnih-debativ-72-yi-s-43442>
11. Военна доктрина України – Режим доступу: <http://www.mil.gov.ua/diyalnist/reformi-ta-planuvannya-u-sferi-oboroni/voenna-doktrina.html>
12. Гантінгтон С. Зіткнення цивілізацій / С. Гантінгтон // Філософська і соціологічна думка. – 1996. – № 1–2. – С. 17 – 23.
13. Герасимов В. В. Ценность науки в предвидении. Новые вызовы требуют переосмыслить формы и способы ведения боевых действий / В. В. Герасимов. – Режим доступа: <http://www.vpk-news.ru/articles/14632>
14. Герасимов В. В. Мир на гранях войны. Мало учитывать сегодняшние вызовы, надо прогнозировать будущее / В. В. Герасимов. – Режим доступа: <http://www.vpk-news.ru/articles/35591>
15. Гібридна війна на Сході України в міждисциплінарному вимірі: витоки, реалії, перспективи реінтеграції: зб. наук. праць / За заг. ред. В. С. Курило, С. В. Савченко, О. Л. Караман. – Старобільськ: ДЗ «ЛНУ імені Тараса Шевченка», 2017. – 432 с.
16. Голдстоун Д. Революция. Очень краткое введение / Д. Голдстоун; пер. с англ. А. Яковлева. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. – 192 с.
17. Дэйви М. Эволюция войн / М. Дэйви; пер. с англ. Л. А. Калашниковой. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2009. – 382 с.
18. Дугин А. Конспирология / А. Дугин. – М.: Арктогея, 2005. – Режим доступа: http://propagandahistory.ru/books/Aleksandr-Dugin_Konspirologiya/
19. Зирак А. К. Карим. Культурные изменения в городе Мосул после захвата его террористами ДАИШ / А. К. Зирак // Вісник Луганського національного університету імені Тараса Шевченка. Соціологічні науки. – 2017. - № 5. – С. 76 – 85.
20. Калдор М. Новые и старые войны: организованное насилие в глобальную эпоху / М. Калдор; пер. с англ. А. Апполонова, М. Дондуковского; ред. перевода А. Смиронов, В. Софронов. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. – 416 с. – Режим доступа: <http://www.etextlib.ru/Book/Details/60723>
21. Каліновська О. та ін. Неоголошена війна. Невідомі факти і хроніки АТО / О. Каліновська, О. Криштопа, Є. Назаренко, В. Трохимчук, Д. Феденко. – Харків: Клуб сімейного дозвілля, 2015. – 512 с.
22. Капитанец И. М. Война на море. Актуальные проблемы развития военно-морской науки / И. М. Капитанец. – М.: Вагриус, 2001. – 272с.
23. Касавин И. Т. Социальная эпистемология. Фундаментальные и прикладные проблемы / И. Касавин. – М.: Альфа-М, 2013. – 560 с.
24. Клаузевиц К. О войне / К. фон Клаузевиц; пер. с нем. А. Рачинского. – М.: Издательская корпорация «Логос»; Международная академическая издательская компания «Наука», 1998. – 448 с.
25. Колодзінський М. Націоналістичне повстання. Розділ із праці «Военна доктрина українських націоналістів / М. Колодзінський // Україна модерна. – Число 20. Фашизм і правий радикалізм на сході Європи. – Київ : Критика, 2013. – С. 257 – 295.
26. Кольцов М. Е. Испанский дневник / М. Кольцов. – М.: Художественная литература, 1988. – 607 с.
27. Кононов І. Ф. Адаптаційні та адаптуючі стратегії поведінки міських жителів Луганщини за умов суспіль. кризи. (За результатами вивчення масової свідомості) / І. Кононов // Соціологія: теорія, методи, маркетинг. 1999. – № 2. – С. 70 – 88.
28. Кононов И. Ф. Донбасс и Галичина в зеркалах региональных сознаний (по материалам фокусированных групповых интервью) / И. Ф. Кононов // Методологія, теорія та практика соціологічного аналізу сучасного суспільства. Зб. наук. пр. – № 15. – Харків: Харківський нац. ун-т ім. В. Н. Каразіна, 2009. – С. 435 – 455.
29. Кононов И. Ф. Глобализация и изменение представлений об обществе / И. Ф. Кононов // Глобалистика как область научных исследований и сфера преподавания / Под. ред. Абызгалиева И. И, Ильина И. В. Отв. ред. Шестова Т. Л. – № 3. – М.: изд-во МГУ, 2009. – С. 244 – 270.
30. Кононов І. Ф. Луганський синдром як масова аномічна реакція на розгортання гібридної війни / І. Ф. Кононов // Девіантна поведінка: соціологічний, психологічний та юридичний аспекти: матеріали наук.-практ. конф. (Харків, 10 квіт. 2015) / МВС України, Харк. нац. ун-т внутр. справ, Ф-т права та масових комунікацій, Кафедра соціології та психології, Соціологічна асоціація України. – Харків : ХНУВС, 2015. – С. 10–16.
31. Кононов І. Ф. Соціологія в умовах кризи і війни: проблема методологічної спроможності / І. Ф. Кононов // Вісник Луганського національного університету ім. Тараса Шевченка. Соціологічні науки / ДЗ ЛНУ імені Тараса Шевченка. – № 5. – 2016. – С. 5 – 55.
32. Кононов И. Ф. Мировая гибридная война или буржуазный бланкизм? Эссе памяти концепта гибридной войны. Пусть покоится с миром / И. Ф. Кононов // Вісник Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна. Серія «Соціологічна дослідження сучасного суспільства: методологія, теорія, методи». – № 39. – Харків: Харківський національний університет імені В. Н. Каразіна, 2017. – С. 146 – 153.
33. Копнин П. В. Проблемы диалектики как логики и теории познания. Избранные философские работы / Отв. ред.

- В. А. Лекторский. – М.: Наука, 1982. – 368 с.
34. Лі Мінці. XXI сторіччя: чи існує альтернатива (соціалізму)? / Переклав Роман Дрямов // Спільне. Журнал соціальної критики. – Режим доступу: <http://commons.com.ua/ru/chi-isnyue-alternativa-socializmu/>
35. Лісничук О. Наукові дискусії про національні інтереси / Олесь Лісничук // Політична наука в Україні. 1991 – 2016. У двох томах. – Т. 2. Теоретико–методологічні засади і концептуальні підсумки вітчизняних досліджень / Ред. колегія тому Олег Рафальський, Марія Кармазіна, Олександр Майборода. – Київ : Парламентське видавництво, 2016. – С. 635 – 649.
36. Манойло А. В. Украинский кризис и «управляемый хаос»: след «цветных революций» Арабской весны / А. В. Манойло // Власть. – 2014. – № 4. – С. 24 – 28.
37. Мартен дю Гар Р. Семья Тибо / Роже Мартен дю Гар; пер. с фр. – Т. 2. – М.: Художественная литература, 1972. – 911 с. (Библиотека всемирной литературы. – Т. 167).
38. Мертон Р. Самоисполняющееся пророчество (Теорема Томаса). – Режим доступу: <http://socioline.ru/pages/r-merton-samoispolnyayuscheesya-prorochestvo-teorema-tomasa>
39. Он развязал войну в Украине. Завоеватель Чечни и командир парадов генерал Герасимов. – Режим доступу: https://ru.espreso.tv/article/2015/08/05/on_razvyazal_voynu_v_ukrayne_zavoevatel_chechny_u_komandyr_paradov_general_gerasymov
40. Орел І. Є. Ідеологія Донбасу і новий український світ / І. Є. Орел. – Сєверодонецьк: ПрАТ «Сєверодонецька міська друкарня», 2015. – 72 с.
41. Попович М. В. Бути людиною / М. В. Попович. – Київ : Видавничий дім «Києво–Могилянська академія», 2011. – 223 с.
42. Порус В. Н. Перекрестки методов (опыты междисциплинарности в философии культуры) / В. Н. Порус. – М.: Канон+, 2012. – 384 с.
43. Путін веде в Україні гібридну війну – генерал Каппен – Режим доступу: <https://www.radiosvoboda.org/a/25363591.html>
44. Рущенко І. П. Російсько–українська гібридна війна: погляд соціолога / І. П. Рущенко. – Харків: ФОП Павленко О. Г., 2015. – 268 с.
45. Рущенко І. П. Феномен «двох Донбасів»: вектори розвитку колективної свідомості населення різних частин Донбасу в умовах гібридної війни / І. П. Рущенко // Український соціологічний журнал. – 2015. – № 1–2. – С. 34 – 43.
46. Рущенко І. П. Конфлікти в зоні АТО: зміст і методика виміру / І. П. Рущенко // Вісник Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна. Серія «Соціологічні дослідження сучасного суспільства: методологія, теорія, методи». – № 37. – Харків, 2016. – С. 108 – 114.
47. Світова гібридна війна: український фронт. Монографія / За загальною редакцією В. П. Горбуліна. – Київ : НІСД, 2017. – 496 с.
48. Серебрянников В. В. Социология войны / В. В. Серебрянников. – Москва: Ось–89, 1998. – 317 с.
49. Сивков К. В. «Цветной» сценарий для России / К. В. Сивков // Социс. – 2013. – № 8. – С. 136 – 143.
50. Соловей В. Д. Абсолютное оружие. Основы психологической войны и медиаманипулирования / В. Д. Соловей. – М.: ООО Издательство «Э», 2015. – Режим доступу: <https://www.litres.ru/v-solovey/absolutnoe-oruzhie-osnovy-psihologicheskoy-voyny-i-mediamanipulirovaniya/>
51. Соловей В. Д. Революtion. Основы революционной борьбы в современную эпоху / В. Д. Соловей. – М.: Эксмо, 2016. – 320 с. (Мировая политика: Как это делается).
52. Сунь–Цзы. Искусство войны; пер. с кит. И. А. Костанды. – Харьков: Фолио, 2016. – 222 с.
53. Табачник Д. В. «Утиный суп» по–украински / Д. В. Табачник. – Харьков: Фолио, 2008. – 508 с.
54. Торба В. Я – свідок. Записки з окупованого Луганська / В. Торба. – Київ : Українська прес–група, 2015. – 384 с. (Бібліотека газети «День»).
55. Требин М. П. Войны XXI века / М. П. Требин. – М.: АСТ; Мн.: Харвест, 2005. – 602с. (Военно– историческая библиотека).
56. Требін М. П. «Гібридна» війна як нова українська реальність / М. П. Требін // Український соціум. – 2014. – № 3 (50). – С. 113 – 127.
57. Турчинов предлагает новую защиту «от гибридной войны с Россией» – Режим доступу: <http://www.bbc.com/ukrainian/news-russian-40257805>
58. Тымчук Д. Вторжение в Украину: Хроника российской агрессии / Д. Тымчук, Ю. Карин, К. Машовец, В. Гусаров. – Київ : Брайт Букс, 2016. – 240 с.
59. Филлиппс Л. Дискурс–анализ. Теория и метод / Л. Филлиппс, М. В. Йоргенсен; пер. с англ. под ред. под ред. А. А. Киселевой. – Харьков: Изд–во «Гуманитарный центр», 2008. – 352 с.
60. Фисун А. А. Демократия, неопатриотизм и глобальные трансформации / А. А. Фисун. – Харьков: Константа, 2006. – 352 с.
61. Флек Л. Возникновение и развитие научного факта: Введение в теорию стиля мышления и мыслительного коллектива / Л. Флек / Составл., предисл., перевод с англ., нем. и польск. яз., общая ред. Поруса В. Н. – М.: Идея–пресс; Дом интеллектуальной книги, 1999. – 220 с.
62. Харт К. Постмодернизм / К. Харт; пер. с англ. К. Ткаченко. – М.: ФАИР–ПРЕСС, 2006. – 263 с.
63. Хочешь мира, победи мятежевойну! Творческое наследие Е. Э. Месснера / Под общей редакцией В. И. Марченкова. – М.: Военный университет; Русский путь, 2005. – 696 с.
64. Эволюционная эпистемология и логика социальных наук: Карл Поппер и его критики / Составление Д. Г. Лахути, В. Н. Садовского и В. К. Финна; пер. с англ. Д. Г. Лахути. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – 464 с.
65. Эйзенштадт Ш., Шлюхтер В. Пути к различным вариантам современности: сравнительный обзор / Ш. Эйзен-

- штадт, В. Шлюхтер / Перевел с англ. А. А. Фисун // Фисун А. А. Демократия, неопатриомониализм и глобальные трансформации / Александр Анатольевич Фисун. – Харьков: Константа, 2006. – С. 261 – 281.
66. Шарп Дж. От диктатуры к демократии. Концептуальные основы освобождения / Д. Шарп. – Режим доступа: http://files.kob.su/books/sharp_ot_diktaturyi_k_demokratii.pdf
67. Юнгер Е. В сталевиx грозах / Е.Юнгер / Переклав з нiм. Юрко Прохасько. – Чернівці: Книги – XXI, 2014. – 324 с.
68. Яницкий О. Н. Экологические катастрофы: структурно-функциональный анализ / О. Н. Яницкий // Официальный сайт ИС РАН – 2013. – 258 стр. – Режим доступа: <http://www.isras.ru/publ.html?id=2794>
69. Bond M. Hybrid War: A New Paradigm for Stability Operations in Failing States. Strategy Research Project / Colonel Margaret S. Bond. – U.S. Army War College, Carlisle Barracks, Carlisle, PA, 2007. – 25 p. – Available at: <http://www.comw.org/qdr/fulltext/0703bond.pdf>
70. Buta V. Perspectives on the evolution and influence of the hybrid warfare concept / Brigadier General (r.) Dr Viorel Buta, Colonel Valentin Vasile // Romanian Military Thinking. – 2015. – № 3. – pp. 11 – 32. – Available at: http://smg.mapn.ro/gmr/Engleza/Ultimul_nr/buta,vasile-p.11-32.pdf
71. Fleming B. The Hybrid Threat Concept: Contemporary War, Military Planning and the Advent of Unrestricted Operational Art / Major Brian P. Fleming. – Fort Leavenworth, KS: School of Advanced Military Studies (SAMS), 2011. – 69 p. – Available at: <http://indianstrategicknowledgeonline.com/web/2753.pdf>
72. Hoffman F. G. Hybrid Warfare and Challenges / F. G. Hoffman // JFQ. – 2009. – № 52. – pp.34 – 39.
73. Johnson D. E. Military Capabilities for Hybrid War Insights from the Israel Defense Forces in Lebanon and Gaza / D. E. Johnson. – Santa Monica: RAND Corporation, 2010. – 20 p. – Available at: http://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/occasional_papers/2010/RAND_OP285.pdf

REFERENCES

1. Akulinin, V. N. & Epifanova, N. S. (2015). Konceptiya gibridnoj vojny v praktike mezhgosudarstvennogo protivostoyaniya [The concept of a hybrid war in the practice of interstate confrontation]. *Nacional'nye interesy: priority i bezopasnost'*, (36): 53-60 (in Russian).
2. Aleksander, B. (2004). *Kak vyigryvayutsya vojny [How wars are won]*. Moscow: OOO «Izdatel'stvo AST»; OOO «Tranzitkniga» (in Russian).
3. Andrukhovych vvazhaye, shcho Krymu i Donbasu treba viddilytysya vid Ukrayiny [Andrukhovych believes that Crimea and Donbass should be separated from Ukraine]. Available at: <https://tsn.ua/ukrayina/andrukhovich-vvazhaye-scho-krimu-i-donbasu-treba-viddilytysya-vid-ukrayini.html> (in Ukrainian).
4. Ankersmit, F. (2003). *Narrativnaya logika. Semanticheskij analiz yazyka istorikov [Narrative logic. Semantic analysis of the language of historians]*. Moscow: Ideya-press (in Russian).
5. Arseyenko, A. H. (1999). Hlobalizatsiya: sotsial'ni zminy i naslidky naperedodni XXI stolittya [Globalization: Social Change and Consequences on the Eve of the 21st Century]. *Sotsiologiya: teoriya, metody, marketynh*, (1): 42 – 58 (in Ukrainian).
6. Bartosh, A. A. (2015). Gibridnye vojny kak proyavlenie global'noj kritichnosti sovremennoogo mira [Hybrid war as a manifestation of the global criticality of the modern world]. *Geopolitika i bezopasnost'*, (1): 71 – 78 (in Russian).
7. Bauman, Z., Donskis, L. (2014). *Moral'na slipota. Vrata chutlyvosti u plynniy suchasnosti [Moral blindness. Loss of sensitivity in the fluidity of the present]*. Kyiv: Dukh i Litera (in Ukrainian).
8. Vallerstajin, I. (2003). *Konec znakomogo mira: Sociologiya XXI veka [The End of the Familiar World: Sociology of the 21st Century]*. Centr issledovaniy postindustrial'nogo obshchestva. Moscow: Logos (in Russian).
9. Van Krevel'd, M. (2005). *Transformaciya vojny [Transformation of war]*. Moscow: Al'pina Biznes buks (in Russian).
10. Vystup Prezidenta Ukrayiny pid chas zahal'nykh debatuv 72-yi sesiyi Heneral'noyi Asambleyi OON [Address by the President of Ukraine during the general debate of the 72nd session of the UN General Assembly]. Available at: <http://www.president.gov.ua/news/vistup-prezidenta-ukrayini-pid-chas-zagalnih-debatuv-72-yi-s-43442> (in Ukrainian).
11. Voyenna doktryna Ukrayiny [Military doctrine of Ukraine]. Available at: <http://www.mil.gov.ua/diyalnist/reformi-taplanuvannya-u-sferi-oboroni/voenna-doktrina.html> (in Ukrainian).
12. Hantinhton, S. (1996). Zitknennya tsyvilizatsiy [Clash of civilizations]. *Filosofs'ka i sotsiologichna dumka*, (1-2): 17 – 23 (in Ukrainian).
13. Gerasimov, V. V. Cennost' nauki v predvidenii. Novye vyzovy trebuyut pereosmyslit' formy i sposoby vedeniya boevykh dejstvij [The value of science in foresight. New challenges require a rethinking of the forms and methods of warfare]. Available at: <http://www.vpk-news.ru/articles/14632> (in Russian).
14. Gerasimov, V. V. Mir na granyah vojny. Malo uchityvat' segodnyashnie vyzovy, nado prognozirovat' budushchie [The world is on the brink of war. It is not enough to take into account today's challenges, we must predict the future]. Available at: <http://www.vpk-news.ru/articles/35591> (in Russian).
15. *Hibrydna viyna na Skhodi Ukrayiny v mizhdystyplinaronomu vymiri: vytoky, realiyi, perspektyvy reintehratsiyi: zb. nauk. prats' [Hybrid war on the East of Ukraine in the interdisciplinary dimension: origins, realities, prospects for reintegration]*. (2017). Starobil's'k: DZ «LNU imeni Tarasa Shevchenka» (in Ukrainian).
16. Goldstoun, D. (2015). *Revoluciya. Ochen' kratkoe vvedenie [Revolution. A very brief introduction]*. Moscow: Izd-vo Instituta Gajdara (in Russian).
17. Deh'vi, M. (2009). *Evoluciya vojn [Evolution of wars]*. Moscow: ZAO Centrpoligraf (in Russian).
18. Dugin, A. *Konspirologiya [Conspiracy]*. (2005). Moscow: Arktogetya. Available at: http://propagandahistory.ru/books/Aleksandr-Dugin_Konspirologiya/ (in Russian).
19. Zirak, Abdulla Karim (2017). Kul'turnye izmeneniya v gorode Mosul posle zahvata ego terroristami DAISH [Cultural

- changes in the city of Mosul after the capture of his terrorists by the DAIS]. *Visnik Lugans'kogo nacional'nogo universitetu imeni Tarasa SHEVCHENKA. Sociologichni nauki*, (5): 76 – 85 (in Russian).
20. Kaldor, M. (2015). *Novye i starye vojny: organizovannoe nasilie v global'nyu ehposu [New and old wars: organized violence in a global era]*. Moscow: Izd-vo Instituta Gajdara. Available at: <http://www.etextlib.ru/Book/Details/60723> (in Russian).
21. Kalinovs'ka, O. ta in. (2015). *Neoholoshena viyna. Nevidomi fakty i khroniky ATO [Unpublished war. Unknown facts and chronicles ATO]*. Kharkiv: Klub simeynoho dozvillya (in Ukrainian).
22. Kapitanec, I. M. (2001). *Vojna na more. Aktual'nye problemy razvitiya voenno-morskoj nauki [War on the sea. Actual problems of the development of naval science]*. Moscow: Vagrius (in Russian).
23. Kasavin, I. T. (2013). *Social'naya ehpiSTEMologiya. Fundamental'nye i prikladnye problemy [Social epistemology. Fundamental and applied problems]*. Moscow: Al'fa-M (in Russian).
24. Klauzevic, K. (1998). *O vojne [About the war]*. Moscow: Izdatel'skaya korporaciya «Logos»; Mezhdunarodnaya akademicheskaya izdatel'skaya kompaniya «Nauka» (in Russian).
25. Kolodzins'kyy, M. (2013). Natsionalistychne povstannya. Rozdil iz pratsi «Voyenna doktryna ukrayins'kykh natsionalistiv [Nationalist uprising. The section on labor «The Military Doctrine of Ukrainian Nationalists]. *Ukrayina moderna. – Chyso 20. Fashyzm i pravyy radykalizm na skhodi Yevropy: 257-295*. Kiyv: Krytyka (in Ukrainian).
26. Kol'cov, M. E. (1988). *Ispanskij dnevnik [Spanish diary]*. Moscow: Hudozhestvennaya literatura (in Russian).
27. Kononov, I. F. (1999). Adaptatsiyni ta adaptuyuchi stratehiyi povedinky mis'kykh zhyteliv Luhanshchyny za umov suspil'nykh kryzy. (Za rezul'tatamy vyvchennya masovoyi svidomosti) [Adaptive and adaptive behavior strategies of urban residents of Lugansk region in a society. crises (According to the results of the study of mass consciousness)]. *Sotsiologhiya: teoriya, metody, marketynh*, (2): 70 – 88 (in Ukrainian).
28. Kononov, I. F. (2009). Donbass y Halychyna v zerkalakh rehyonal'nykh soznany (po materyalam fokusyrovannykh hruppovykh ynterv'yu) [Donbass and Galicia in the mirrors of regional consciousness (based on the materials of focused group interviews)]. *Metodologiya, teoriya ta praktyka sotsiologichnoho analizu suchasnoho suspil'stva. Zb. nauk. pr.*, (15): 435 – 455. Kharkiv: Kharkivs'kyy nats. u-t im. V. N. Karazina (in Ukrainian).
29. Kononov, I. F. (2009). Globalizaciya i izmenenie predstavlenij ob obshchestve [Globalization and changing perceptions of society]. *Globalistika kak oblast' nauchnykh issledovaniy i sfera prepodavaniya*, (3): 244 – 270. Moscow: izd-vo MGU (in Russian).
30. Kononov, I. F. (2015). Luhans'kyy syndrom yak masova anomichna reaktsiya na roz'hortannya hibrydnoyi viyny [Luhansk syndrome as a massive anomic reaction to the expansion of the hybrid war]. Deviantna povedinka: sotsiologichnyy, psykholohichnyy ta yurydychnyy aspekty: materialy nauk.-prakt. konf. (Kharkiv: 10 kvit. 2015). *MVS Ukrayiny, Khark. nats. un-t vnutr. sprav, F-t prava ta masovykh komunikatsiy, Kafedra sotsiologiyi ta psykholohiyi; Sotsiologichna asotsiatsiya Ukrayiny*: 10-16. Kharkiv: KhNUVS (in Ukrainian).
31. Kononov, I. F. (2016). Sotsiologhiya v umovakh kryzy i viyny: problema metodologichnoyi spromozhnosti [Sociology in crisis and war: problem of methodological ability]. *Visnyk Luhans'koho natsional'nogo universitetu im. Tarasa Shevchenka. Sotsiologichni nauki. DZ LNU imeni Tarasa Shevchenka*, (5): 5 – 55 (in Ukrainian).
32. Kononov, I. F. (2017). Mirovaya gibridnaya vojna ili burzhuaznyy blankizm? EHsse pamyati koncepta gibridnoj vojny. Pust' pokoiitsya s mirom [World hybrid war or bourgeois Blanquism? The essay memory of the hybrid war concept. Let him rest in peace]. *Visnik Harkivs'kogo nacional'nogo universitetu imeni V. N. Karazina. Seriya «Sociologichni doslidzhennya suchasnoho suspil'stva: metodologiya, teoriya, metodi»*, (39): 146 – 153. Harkiv, Harkivs'kij nacional'nij universitet imeni V. N. Karazina (in Russian).
33. Kopnin, P. V. (1982). Problemy dialektiki kak logiki i teorii poznaniya. Izbrannye filosofskie raboty [Problems of dialectics as logic and theory of knowledge. Selected philosophical works]. Moscow: Nauka (in Russian).
34. Li Min'tsi. XXI storichcha: chy isnuye al'ternatyva (sotsializmu)? [XXI Century: Is there an Alternative (Socialism)?]. Spil'ne. Zhurnal sotsial'noyi krytyky. Available at: <http://commons.com.ua/ru/chi-isnuye-alternativa-socializmu/> (in Ukrainian).
35. Lisnychuk, O. (2016). Naukovi dyskusiyi pro natsional'ni interesy [Scientific discussions on national interests]. Politychna nauka v Ukrayini. 1991 – 2016. U dvokh tomakh. Vol. 2. *Teoretyko-metodologichni zasady i kontseptual'ni pidsumky vitchyznyanykh doslidzhen'.* Red. kolehiya tomu Oleh Rafal's'kyy, Mariya Karmazina, Oleksandr Mayboroda. Kyiv: Parlament's'ke vydavnytstvo (in Ukrainian).
36. Manojlo, A. V. (2014). Ukrainskij krizis i «upravlyaemyj haos»: sled «cvetnykh revolyuciy» Arabskoj vesny [The Ukrainian crisis and «controlled chaos»: a trace of the «color revolutions» of the Arab Spring]. *Vlast'*, (4): 24 – 28 (in Russian).
37. Marten dyu Gar, R. (1972). *Sem'ya Tibo [The Thibaut family]*. 2. Moscow: Hudozhestvennaya literatura (Biblioteka vseмирnoj literatury) (in Russian).
38. Merton, R. Samoispolnyayushcheesya prorochestvo (Teorema Tomasa) [Self-fulfilling prophecy (Thomas's theorem)]. Available at: <http://socioline.ru/pages/r-merton-samoispolnyayushcheesya-prorochestvo-teorema-tomasa> (in Russian).
39. On razvyazal vojnu v Ukraine. Zavoevatel' Chechni i komandir paradov general Gerasimov [He unleashed a war in Ukraine. The Conqueror of Chechnya and the commander of the parades, General Gerasimov]. Available at: https://ru.espresso.tv/article/2015/08/05/on_razvyazal_voynu_v_ukrayne_zavoevatel_chechny_y_komandyr_paradov_general_gerasimov (in Russian).
40. Orel, I. Ye. (2015). *Ideologhiya Donbasu i novyy ukrayins'kyy svit [The ideology of the Donbas and the new Ukrainian world]*. Syeverodonets'k: PrAT «Syeverodonets'ka mis'ka drukarnya» (in Ukrainian).
41. Popovych, M. V. (2011). *Buty lyudynoyu [To be a man]*. Kiyv: Vydavnychyy dim «Kyyevo-Mohylyans'ka akademiya» (in Ukrainian).

42. Porus, V. N. (2012). *Perekrestky metodov (opyty mezhdystryplynarnosti v fylosofyy kul'tury) [Crossroads of methods (experiments of interdisciplinarity in the philosophy of culture)]*. Moscow: Kanon+ (in Russian).
43. Putin vede v Ukraini hibrydnu viynu – heneral Kappen [Putin conducts a hybrid war in Ukraine - General Kappen]. Available at: <https://www.radiosvoboda.org/a/25363591.html> (in Ukrainian).
44. Rushchenko, I. P. (2015). *Rosiy's'ko-ukrayins'ka hibrydna viyna: pohlyad sotsioloha [Russian-Ukrainian hybrid war: a sociologist's view]*. Kharkiv: FOP Pavlenko O. H. (in Ukrainian).
45. Rushchenko, I. P. (2015). Fenomen «dvokh Donbasiv»: vektory rozvytku kolektyvnoyi svidomosti naselennya riznykh chastyn Donbasu v umovakh hibrydnoyi viyny [The phenomenon of the «two Donbas»: the vectors of the development of collective consciousness of the population of different parts of the Donbas in conditions of hybrid war]. *Ukrayins'kyy sotsiologichnyy zhurnal*, (1-2): 34 – 43 (in Ukrainian).
46. Rushchenko, I. P. (2016). Konflikty v zoni ATO: zmist i metodyka vymiru [Conflicts in the ATO zone: the content and method of measurement]. *Visnyk Kharkivs'koho natsional'noho universytetu imeni V. N. Karazina. Seriya «Sotsiologichni doslidzhennya suchasnoho suspil'stva: metodolohiya, teoriya, metody»*, (37): 108 – 114. Kharkiv (in Ukrainian).
47. *Svitova hibrydna viyna: ukrayins'kyy front. Monohrafiya [World hybrid war: Ukrainian front. Monograph]*. (2017). Kyiv: NISD (in Ukrainian).
48. Serebryannikov, V. V. (1998). *Sociologiya vojny [Sociology of War]*. Moscow: Os'-89 (Voenneya sociologiya). (in Russian).
49. Sivkov, K. V. (2013). «Cvetnoj» scenarij dlya Rossii [«Colorful» scenario for Russia]. *Socis*, (8): 136-143 (in Russian).
50. Solovej, V. D. (2015). *Absolyutnoe oruzhie. Osnovy psihologicheskoy vojny i mediamanipulirovaniya [Absolute weapon. Fundamentals of psychological warfare and media manipulation]*. Moscow: OOO Izdatel'stvo «EH». Available at: <https://www.litres.ru/v-solovej/absolyutnoe-oruzhie-osnovy-psihologicheskoy-voyny-i-mediamanipulirovaniya> (in Russian).
51. Solovej, V. D. (2016). *Revoljucion. Osnovy revoljucionnoj bor'by v sovremennuyu ehphu [Revolution. Fundamentals of revolutionary struggle in the modern era]*. Moscow: Eksmo (in Russian).
52. *Sun'-Czy. Iskusstvo vojny [Art of War]*. (2016). Har'kov: Folio (in Russian).
53. Tabachnik, D. V. (2008). «Utinyj sup» po-ukrainski [«Duck soup» in Ukrainian]. Har'kov: Folio (in Russian).
54. Torba, V. (2015). *Ya – svidok. Zapysky z okupovanoho Luhans'ka [I am a witness. Notes from the occupied Luhansk]*. Kyiv: Ukrayins'ka pres-hrupa (Biblioteka hazety «Den'») (in Ukrainian).
55. Trebin, M. P. (2005). *Vojny XXI veka [Wars of the XXI century]*. Moscow: AST; Minsk: Harvest (Voenno-istoricheskaya biblioteka) (in Russian).
56. Trebin, M. P. (2014). «Hibrydna» viyna yak nova ukrayins'ka real'nist' [«Hybrid» war as a new Ukrainian reality]. *Ukrayins'kyy sotsium*, 3 (50), 113 – 127 (in Ukrainian).
57. Turchinov predlagaet novuyu zashchitu «ot gibrydnoj vojny s Rossiej» [Turchinov offers a new defense «from the hybrid war with Russia.». Available at: <http://www.bbc.com/ukrainian/news-russian-40257805> (in Russian).
58. Tymchuk, D. (2016). *Vtorzhenie v Ukrainu: Hronika rossijskoj agressii [Invasion of Ukraine: The Chronicle of Russian Aggression]*. Kyiv: Brajt Buks (in Russian).
59. Fillips, L. (2008). *Diskurs-analiz. Teoriya i metod [Discourse analysis. Theory and method]*. Har'kov: Izd-vo «Gumanitarnyj centr» (in Russian).
60. Fisun, A. A. (2006). *Demokratiya, neopatriomonalizm i global'nye transformacii [Democracy, neopatriomonalizm and global transformations]*. Har'kov: Konstanta (in Russian).
61. Flek, L. (1999). *Vozniknovenie i razvitie nauchnogo fakta: Vvedenie v teoriyu stilya myshleniya i myslitel'nogo kollektiva [The emergence and development of a scientific fact: Introduction to the theory of the style of thinking and the thinking collective]*. Sostavl., predisl., perevod s angl., nem. i pol'sk. yaz., obshchaya red. Porusa V. N. Moscow: Ideya-press; Dom intellektual'noj knigi (in Russian).
62. Hart, K. (2006). *Postmodernizm [Postmodernism]*. Moscow: FAIR-PRESS (in Russian).
63. *Hochesh' mira, pobedi myatezhevoynu! Tvorcheskoe nasledie E. EH. Messnera [If you want peace, defeat the mutiny! The creative heritage of E. E. Messner]*. Moscow: Voennyj universitet; Russkij put' (in Russian).
64. *Evoljucionnaya ehpiistemologiya i logika social'nyh nauk: Karl Popper i ego kritiki [Evolutionary epistemology and the logic of social sciences: Karl Popper and his critics]*. Moscow: Editorial URSS (in Russian).
65. Ejzenshtadt SH., Slyuhter V. (2006). *Puti k razlichnym variantam sovremennosti: sravnitel'nyj obzor [Ways to various variants of the present: a comparative survey]*. Demokratiya, neopatriomonalizm i global'nye transformacii. Har'kov: Konstanta (in Russian).
66. Sarp, Dzh. Ot diktatury k demokratii. Konceptual'nye osnovy osvobozhdeniya [From dictatorship to democracy. Conceptual framework of liberation]. Available at: http://files.kob.su/books/sharp_ot_diktatury_k_demokratii.pdf (in Russian).
67. Yunher, E. (2014). *V stalevykh rozakh [In the steel thunderstorms]*. Chernivtsi: Knyhy – XXI (in Ukrainian).
68. Yanytskyy, O. N. (2013). Ekolohycheskye katastrofy: strukturno-funktsyonal'nyy analiz [Ecological catastrophes: structural and functional analysis]. *Ofytsyal'nyy sayt YS RAN*. Available at: <http://www.isras.ru/publ.html?id=2794> (in Russian).
69. Bond, M. (2007). Hybrid War: A New Paradigm for Stability Operations in Failing States. Strategy Research Project. U.S. Army War College, Carlisle Barracks, Carlisle, PA. Available at: <http://www.comw.org/qdr/fulltext/0703bond.pdf>
70. Buta, V. (2015). Perspectives on the evolution and influence of the hybrid warfare concept. *Romanian Military Thinking*, 3, 11 – 32. Available at: http://smg.mapn.ro/gmr/Engleza/Ultimul_nr/buta,vasile-p.11-32.pdf
71. Fleming, B. (2011). *The Hybrid Threat Concept: Contemporary War, Military Planning and the Advent of Unrestricted Operational Art*. Fort Leavenworth, KS: School of Advanced Military Studies (SAMS). Available at: <http://>

indianstrategicknowledgeonline.com/web/2753.pdf

72. Hoffman, F. G. (2009). Hybrid Warfare and Challenges. *JFQ*, (52): 34 – 39.

73. Johnson, D. E. (2010). Military Capabilities for Hybrid War Insights from the Israel Defense Forces in Lebanon and Gaza. Santa Monica: RAND Corporation. Available at: http://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/occasional_papers/2010/RAND_OP285.pdf

*Кононов Илья Федорович - профессор, доктор социологических наук
Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко
Адрес: 92703, Старобельск, пл. Гоголя, 1
E-mail: kononov_if@ukr.net*

*Kononov Ilya F. - doctor of sociology, professor
Luhansk Taras Shevchenko National University
Address: 1, Gogolya Sq., Starobelsk, 92703, Ukraine
E-mail: kononov_if@ukr.net
ORCID: 0000-0002-9253-6261*